

Чжоу У потерял сознание — основательно и бесповоротно. Он очнулся, только когда Дин Чэн растолкал его прямо в шезлонге.

Солнце резануло по глазам; от яркого света зрачки обожгло, и по щекам покатились слёзы.

В глазах на мгновение потемнело. Он рухнул обратно в кресло и долго приходил в себя, прежде чем наконец разлепить веки.

Ясное небо, ни облачка. Чжоу У по-прежнему лежал в потоке солнечного света; белая кожа в выбеленных полуденных лучах казалась почти прозрачной, а мочки ушей от долгого пребывания на солнце покраснели, излучая мягкий жар.

Опять сон?

Вставая, всё ещё не в себе, он почувствовал слабую боль в лодыжке.

Лицо медленно приобрело мертвенный оттенок. Под палящим солнцем — холод, ползущий от ступней.

Пальцы, вцепившиеся в подлокотник, мелко, неудержимо дрожали.

— Дин-гэ, ты всё это время тут стоял, на солнце? — произнеся это, Чжоу У с запозданием осознал, что его горло пересохло и охрипло до неузнаваемости — собственный голос звучал чужим.

Дин Чэн, лениво покусывая зубочистку и оттого выглядя чуть хулигановато, покачал головой:

— Только что пил чай в помещении. Чай у хакка вкус особенный. Хэ-гэ велел тебе чашку отнести — согреться. Ты слишком бледный. Видел бы ты свои круги под глазами... Вернёмся на студию — девчонки нас на куски порвут за то, что плохо о тебе заботились.

Чжоу У принял горячую чашку. Под непринуждённую болтовню Дин Чэна на него снизошло неожиданное спокойствие:

— Это я мало двигаюсь. Вернусь — запишусь на плавание.

— Дело! Плавание — и выносливость тренирует, и колени не убивает. Вот Хэ-гэ, посмотришь — ходит бодро, как молодой, а стоит дождю пойти — колено ноет, без наколенника никуда. Это всё из-за неправильных нагрузок в молодости.

Чжоу У вытянул шею и посмотрел: Хэ Хай по-прежнему стоял прямо, как штык, но

приглядевшись, можно было заметить, что одна нога словно чуть слабее упиралась в землю, едва заметно согнутая.

За разговором натянутые до предела нервы Чжоу У постепенно отпустило. Вскоре обеденный перерыв закончился, и все погрузились в послеобеденную съёмку.

Работа после обеда была кропотливой и мелочной: подготовительный этап за день-два не закончишь, объём колоссальный, деревенские задачи разбросаны по всем углам. Камера бегала за Чжоу У — он метался туда-сюда, — и когда материала набралось достаточно, стемнело.

Все валились с ног и медленно побрели обратно к особняку.

Чжоу У притащил в общий зал табуретку и уселся на корточках у жаровни. Тускло-жёлтые отсветы пламени плясали на лице; тень от переносицы то вспыхивала, то гасла.

За окном над горами поднялась полная круглая луна. Лунный свет проникал сквозь ажурные боковые окна и ложился на серо-зелёный пол мерцающей серебристой дымкой.

Мысли Чжоу У вернулись к полуденному кошмару.

Это правда был сон?

Он снова и снова перебирал воспоминания и невольно придвигался ближе к жаровне — в поисках хотя бы крупинцы утешения.

Но кроме слабой боли в лодыжке у него не было ни единого доказательства, что тот сон был реальностью.

Он помнил: в последних смутных обрывках памяти его лодыжку будто стиснул порыв ветра. Это ощущение было похоже на... человеческую руку.

Поэтому он и выпалил в пустоту: «Кто ты?»

Это не укладывалось в его материалистическую картину мира. Всё перевернулось.

Если это не сон, тогда...

Додумывать он не решился. Сцепил пальцы перед грудью и свернулся в комок — как ёж, ошестинившийся против врага.

У Яо, сытый и довольный, вошёл в зал и сразу заметил Чжоу У, скрученного в клубок. Подсел:

— Братан, ты какой-то не такой. Что случилось?

На самом деле У Яо был человеком широкой души и ничего необычного в поведении Чжоу У не заметил — спросил просто так, для проформы.

Но реакция Чжоу У оказалась непропорционально бурной. Он даже повысил голос:

— Я?! Что со мной не так?!

У Яо, наоборот, растерялся от такого ответа:

— Ты чего? Что стряслось-то?

Только тут Чжоу У сообразил, что У Яо ни о чём не догадывается.

Успокоившись, он покачал головой:

— Ничего. Просто устал в последнее время. Вымотался.

У Яо пугался всякой чертовщины ещё сильнее него — рассказать ему значило бы навесить ненужную тревогу.

Чжоу У вспомнил, как в детстве слышал: те, кто простодушен и ни о чём не подозревает, как раз и обходят стороной всю эту нечисть. Так что лучше ему не знать.

У Яо сел рядом и протянул Чжоу У сигарету. Тот отмахнулся было, но вдруг передумал и взял.

— Затянись, полегчает. Ментоловая, табаком почти не пахнет, — сказал У Яо, поднося огонёк.

Прикурив Чжоу У, он продолжил:

— Вообще-то у нас обычно полегче. Это всё форс-мажор. Обычная работа — ходим по деревням, по городам. Мне ты симпатичен, так что, пожалуйста, не вздумай вернуться и уволиться.

Чжоу У посмотрел на него:

— С чего ты решил, что я уволюсь?

— Ну, такие молоденькие красавчики, как ты, все трудностей боятся. Даже если ты не боишься — мне, как стороннему наблюдателю, жалко тебя. Ты, конечно, не капризный, но видно же — вырос в шелках и бархате.

У Яо ошибся: Чжоу У рос в деревне. В детстве ловил сверчков, собирал дикие ягоды — и лазать по деревьям за птичьими гнёздами был мастер.

Чжоу У глубоко затянулся ментоловым дымом, хотел было распробовать вкус — и тут же скрючился в приступе надсадного кашля.

Курить он решительно не умел.

У Яо хлопал его по спине, приговаривая, чтобы полегче.

— Ты что, даже ни разу не курил?

Чжоу У с влажными глазами и жалобным видом:

— Угу...

— Цц, ну ты и послушный мальчик.

Хотя Чжоу У не курил, глядя на блаженные лица курильщиков, воспаряющих в нирвану, он ужасно хотел попробовать — чтобы хоть немного разгрузить натянутые нервы.

На деле, кроме першения в горле, — никакого удовольствия.

Он затушил сигарету и бросил в маленькую фарфоровую миску, служившую пепельницей. Снаружи послышались шаги, дверь распахнулась — вошёл староста с несколькими людьми, что-то принёсшими.

Несколько крепких мужиков внесли огромный сундук с золотой металлической окантовкой, целиком из красного дерева. Сундук был увесистый: когда его поставили на пол, раздался глухой тяжёлый звук.

— Это костюм для шафера, — староста улыбнулся и велел открыть сундук.

Щёлк — замок откинулся. Замок был явно старинный, с узором в виде какого-то древнего мифического зверя.

Чжоу У заглянул внутрь. На тёмно-красном шёлке покоилось ретро-свадебное одеяние, расшитое золотой нитью.

На рукавах — густая вышивка. Вблизи угадывался узор из облаков-жуи, хотя при пристальном рассмотрении — не совсем.

На груди — крупный мотив: безупречные стежок к стежку складывались в журавля среди благовещих облаков.

Но вокруг журавля — кольцо цветочного орнамента: плотные, пышные соцветия, вышитые тёмно-красной нитью; вид растения — неизвестен.

У Яо озадаченно хмыкнул:

— Какая тонкая работа. Кто не знает — подумает, что наш Умчик сам женится.

Произнеся это, он тут же вспомнил собственную шутку про «зятя-примака», прищурился и подозрительно уставился на старосту.

Чжоу У тоже заразился сомнениями и с тем же выражением посмотрел на старосту. У Яо, не умевший держать язык за зубами, не выдержал:

— Староста Чжао, говорят, у вас дома дочка на выданье?

Староста, услышав это, скривился, и начал торопливо открещиваться:

— Моя дочка ещё до свадьбы не доросла! Её тут нету, уехала в город, в университете учится!

Видя, как он спешит откреститься, оба перестали подозревать.

Чжоу У взял одеяние в руки — ледяной на ощупь, ткань скользкая, атласная. Он не ожидал, что оно окажется таким тяжёлым: когда доставал из сундука целиком, едва устоял на ногах.

— Сколько же тут цзиней? — спросил Чжоу У.

Деревенские сказали, что не знают — не взвешивали. У Яо подержал и прикинул: килограммов пятнадцать-двадцать будет, в таком наряде с ног валиться будешь.

Весь этот вес — от золотой нити и толщины ткани.

Красный сундук внесли в комнату Чжоу У. Когда его поставили и староста собрался уходить, Чжоу У придержал его за рукав — хотел спросить о портрете на стене. Обернувшись к той стене, он застыл.

Портрета не было.

Схваченный за рукав староста непонимающе смотрел на него. Слова застряли у Чжоу У на языке, и он так ничего и не сказал — проводил старосту и У Яо.

У Яо на прощание велел Чжоу У как следует понежиться в ванне и хорошенько выспаться, а если одному ночью станет пусто-холодно-одиоко — милости просим к нему.

Чжоу У со смехом обозвал его бесстыжим.

Уже за порогом У Яо вдруг обернулся, окинул взглядом комнату Чжоу У и ухмыльнулся:

— Знаешь, мне всё кажется, что с твоей комнатой что-то не так. Сплошной красный — как брачные покои. Надень свой шаферский наряд, сядь на кровать, накинь красное покрывало — и будешь вылитая молодая жёнушка, ждущая мужа.

Улыбка застыла на лице Чжоу У. У Яо, ожидая в ответ крылатый пинок, развернулся и дал дёру — и не заметил выражения его лица.

Стоило всем уйти — комната погрузилась в тишину. Чжоу У включил на телефоне «Синьвэнь Ляньбо» и, раздеваясь на ходу, двинулся к ванной.

Сначала повесил куртку, потом стянул свитер. Дойдя до купели, дождался, пока наберётся вода, снял брюки и забрался внутрь.

Тёплая вода подарила невыразимое блаженство; он издал тихий вздох.

Покачиваясь в воде, он бессознательно обхватил собственные колени, а когда опустил взгляд — заметил свой подъём стопы.

Даже в горячей, окутанной паром купели пот мгновенно проступил на ладонях и на лбу.

Вокруг лодыжки — кольцо сине-зелёных отметин, следы сдавливания. А на подъёме и даже на пальцах ног — мелкие, беспорядочные точечные следы.

Точь-в-точь как...

Точь-в-точь как те синяки на плече и на спине.

Он осторожно надавил кончиком пальца — отчётливая, однозначная боль. Поднял обе ноги — и увидел на щиколотке отпечаток пальца.

Чжоу У не мог обхватить собственную лодыжку одной рукой, а этот отпечаток опоясывал щиколотку целиком.

Мысль всплыла сама: у него очень длинные пальцы.

Чжоу У содрогнулся: о чём он только что думал? Пальцы? Отпечаток? Он?

Но... единственное место, где это происходило, — тот самый полуденный «сон»: он сжимал его лодыжку.

Кто — он?

Чжоу У стиснул зубы. Мелкие мурашки страха хлынули от ступней вверх, разлились по рукам, по ногам, до кончиков пальцев — покалывание, дрожь.

С плеском Чжоу У вскочил из купели, с трудом перевалился через край, цепляясь за борт.

От страха несколько раз уронил полотенце. Кое-как вытерся, натянул пижаму и куртку поверх — и выскочил из ванной.

Шаги — быстрые, но на полпути он замер. Негнущейся шеей медленно повернул голову.

Портрет снова появился.

Белая марля колыхалась в свете потолочной лампы, очертания дрожали. Неизвестно откуда взявшийся ветерок приподнял марлю — она тут же опала, но Чжоу У успел разглядеть всё отчётливо.

Несколько секунд он стоял как вкопанный. А потом без колебаний развернулся и рванул к двери.

Дверь не поддалась.

Побелевшие костяшки впились в дверную раму, он рвал и тянул из последних сил. Ему показалось, что страх выдавил из него слёзы.

Скри-и-п — дверь вдруг открылась.

Наверное, он просто слишком нервничал: руки тянули в разные стороны, вот и не мог открыть.

Стоило двери распахнуться — Чжоу У зашагал к комнате У Яо. Он старался идти нормально, но ноги сами несли всё быстрее, словно за спиной кто-то гнался.

Он постучал — ни звука в ответ. Заглянул — темно, ни огонька. Прошёл дальше — ни в одной комнате света нет.

Впереди — галерея. По ней — сплошная серая мгла. И когда он осознал это — он был уже в крошечной темноте.

Вокруг — мёртвая тишина.

Он в панике огляделся: единственное освещённое место — его собственная комната. Окутанному тьмой Чжоу У хватило трёх секунд на раздумье — и он зашагал обратно.

Одна створка была распахнута; свет лился наружу. С расстояния нескольких шагов Чжоу У заглянул в комнату — всё нормально.

Он шагнул на порог, поднял голову, чтобы проверить, на месте ли портрет — и пара глаз встретилась с его взглядом.

На Чжоу У была лишь тонкая пижама, слишком широкая рубашка, а из темноты выглядывала босая белоснежная стопа — будто светящаяся в воздухе.

От напряжения, страха и бега грудь ходила ходуном, рот был раскрыт шире обычного, и с каждым выдохом срывались облачка белого пара.

Впадинка у ключицы залегла глубокой тенью, на шее от частого дыхания проступил розоватый румянец, а в уголках глаз блестели слёзы, выжатые страхом, — красные, воспалённые.

Те чёрные зрачки шевельнулись.

И словно сверху вниз — обвели, осмотрели, раздели взглядом всего Чжоу У.

Дрожащий, перепуганный, — и всё же Чжоу У не мог не заметить: в тех глазах пылало нечто, чего он никогда в жизни не видел.

Одержимость.

<http://bllate.org/book/22494/2373483>